

УСПЕТЬ ДО ДНЯ ПОБЕДЫ

2

...Переделав всё, на что глаз упал, Крюк решил сходить в разведку. Не в тыл врага, а в соседнее село – пошукать насчет щебенки, чтобы отсыпать дорожку в штабной блиндаж. Он был уверен, что там ее – завались, потому что селу во время последних боев здорово досталось, его методично и со всех сторон обстреливали и свои, и чужие. Хаты, что с краю, попроще и победнее, – те хоть и побиты были, но стояли и, словно раненые бойцы, терпеливо ждали окончания боёв, когда их, наконец, подлечат, подлатают и обходят. А вот домам зажиточным, на века строеным, повезло меньше. Превратили их «укропы» в опорные пункты, поэтому долбили по ним на совесть из всех стволов, превратив кирпич и дорогую плитку в бут и щебень, который местные дядьки, чью знаменитую рачительность не истребила даже эта страшная бойня, потихоньку тащили по своим хозяйствам – не пропадать же добру.

У одного из них, что волок таратайку с мраморно-белой, будто куски сахара, щебенкой, Крюк поинтересовался, где ему добыть такую же.

– Та біля памятника её богато накришівши, – указал тот на центр села.
– Дуже богато.

На площади возле здания администрации, в тени дубков, посреди воронок, вспучивших мостовую, Крюк заметил скульптурную композицию, посвященную павшим во время Великой Отечественной войны бойцам. Немудрящую, скромную, типовую: памятная стела со списком фамилий, мраморная фигура солдата на постаменте над братской могилой, бетонные клумбы. Подобных много можно встретить в малых городках и небогатых селах по всему бывшему Союзу.

Памятник сильно пострадал, гораздо больше, чем дома и хаты. Над ним «потрудились» и вражеская «арта», и беспилотники, и бандеровские вандалы.

На постаменте был намалеван нацистский крест – черная четвероногая каракатица, куцыми ножками топала против солнца. Крюк усмехнулся: так, в неправильную сторону, в его детстве мальцы-несмыслёныши рисовали свастику на фашистских танках. Что поделать, одноклеточные потомки Бандеры историю знали на «кол с минусом», в символике особо не шарили. Даже свой трезуб столь непотребно изобразили, что похож он был на навозные вилы, а не на символ государства.

«Мозги им промыть-то промыли, но, похоже, грязной водой, с бациллами, из помойной лужи», – вздохнул Крюк.

Местные пытались стереть эту похабелю, но мерзость въелась накрепко. Как и положено всему гадкому, бесовскому, которое хоть к мрамору, хоть к человеку может надолго прилипнуть.

Фигура солдата-красноармейца была изрешечена автоматными очередями в упор, будто его добивали уже мертвого. Своим гордым, непокорным обличьем, воин-освободитель даже через восемьдесят лет внушал страх нацистам, мозолил, резал им бесстыжие глаза. Его пытались свалить с постамента, но не сумели даже согнуть в унижительном поклоне, лишь отбили с ног мраморную крошку. Однако солдат упрямо стоял на проржавевших арматуринах, словно на протезах, прижимал к груди автомат, как часовой, и с горделивой скорбью глядел на потомков своих врагов, когда те глумились над ним. И не было выродкам от него прощения, ибо ведали они о том, что творят...

На стеле, посеченной осколками, Крюк разглядел четыре фамилии.

Ст. ...-нт Стефано...ий А.

К-ц Колчанов

К-ц ...липов И .М.

К-ц Шило...

Кое-где буквы с надписи были отбиты, но Крюк легко домыслил недостающие.

Первым, наверное, был Стефановский, вот только не понятно – старший сержант или старлей. «...липов И.М.», судя по логике, Филиппов, а последний, скорее всего, носил распространенную фамилию Шилов. Но в глаз бросилась другая фамилия – Колчанов.

Колчановых в местах, где рос Крюк, было много. Целые деревни из одних Колчановых. Половина с Великой Отечественной не вернулась. И недавно на его глазах погиб земляк Колчанов. Если бы не принято было отправлять «двухсотых» на родину, то лег бы здесь, в донбасскую землю, как и его однофамилец.

«Неужели наш, очёрский?» – Крюк задумался, напрочь позабыв про щербенку. Но даже если и не наш, то все равно решил, что не оставит памятник в таком неприглядном виде. Привычным взглядом мастера Крюк оценил ущерб: в общем-то, не все так страшно и вполне себе бюджетненько, если с умом и сноровкой подойти. Тут подкрасить, там подмазать-подлепить, почистить, выпрямить, заровнять. К девятому мая вполне можно успеть, если достать материалы. Местные – ребята хваткие, помогут. Война войной, но ведь она – явление преходящее и в данном случае уважительной причиной для игнора не считается.

Однако сельские власти были иного мнения.

– Ты это всерьез что ли, служивый? – взбеленился чиновник, к которому обратился Крюк. – У нас детский садик с крышей пробитой, водопровод не фурычит, котельная в прах разбомблена. Чернобыль просто! Сталинград! И ни мастеров, ни матерьялу! Закончится это всё вот это, – развел он руками, – тогда и памятники будем ладить. И новые поставим, если живы останемся...

Настаивать Крюк не стал, только вежливо спросил:

– А где можно узнать, кто там похоронен?

Чиновник на минуту задумался. Неделю назад он потерял племянника, сражавшегося в ополчении за сто верст от родного села. Привезти тело, чтоб похоронить по-человечески, не было никакой возможности, даже достать его с «нейтралки» не получилось – нацистские снайперы пристрелялись. Так и лежит теперь без памятника, и сколько еще будет лежать – никто не знает. А этот упрямый русский о тех вспомнил, чьи кости уж истлели давно. И не родня ведь, чужие люди.

– Сходи к старику Чудинову. Шестой дом слева вниз по улице. Краевед местный. Если заблукнешь, спроси там любого – его все знают...

Не узнать старика Чудинова было трудно. Крюк улыбнулся: наверное, все краеведы похожи друг на друга. Росточком маленькие, легкие на подъем живчики, словоохотливые всезнайки, способные делать сто дел одновременно. Юношеский задор в глазах, руки в чернильных пятнах, борода клинышком, ласковая речь и старорежимные манеры.

– Очень приятно! Чудинов! – протянул он сухонькую руку. – Интересуетесь историей? Похвально, похвально! Посреди войны – в особенности... Память – великая вещь, она вечности сестра. Или погибший родственник ваш, кровиночка? Нет? Земляк, значит? – Крюк и рта не успевал открыть, только кивал и улыбался. – Колчанов, Колчанов... Помню, а как же? Конечно, помню. Такое забудешь разве...

Четверо их было, а какой уж из них ваш Колчанов, не знаю. Солдаты и солдаты – гимнастёрочки, ботинки с обмотками, вроде и с лица похожи и даже росточком одинаковы. Смертушка поровняла. Помню только, что все молоденькие были...

Мы, малышня, с маткой в погребке ховались, когда пальба занялась. Бой был скоротечный. Немцы укрепились только по краешку, но быстро поняли, что село им не удержать. Танки с рёвом пошли, а сквозь рёв-то услышали мы родное, русское, что чаяли и не чаяли услышать – «Ура-а!».

Когда все стихло, переждали маленечко да и выползли на божий свет. Глядь, а хата наша набок сворочена, из окошка фашист-мертвяк свесился. Увидали и наших бойцов: чудно – уходили в петлицах, а пришли в погонах.

Мы было рады-радешеньки кинулись обниматься с ними, да притормозили: заметили, что не шибко веселые солдатики-то, не до восторгов им – у ворот рядом скорбным четыре тела лежат, рогожкой прикрытые. Тут командир, помню, позвал матку и говорит, что, дескать, немóжно им задерживаться, нету времени товарищей хоронить – только вперед, врага, значит, преследовать. Попросил он позаботиться об упокойниках, а по-христиански или по-партийному – это, мол, как получится. А откель у нас партийные-то? Бабы-солдатки, дряхлые старики со старушонками да малолетки сопленосые, вроде меня. Даже кто до войны не верил, все богомольными стали...

Отпели, как привыкли за войну, без попа, оплакали.

Писарь накарябал на мятой цидулёнке¹ званья, фамилии и инициалы, да до того неразборчиво, что кое-как и прочли. Я сам на фанерке огрызком химического карандаша надпись с этой бумажки списывал – кривенько, печатными буквами, как умел. Время, конечно, поистерло надписи – замыло, замылило. Но я-то помню...

Могилку-то с грехом пополам вырыли, а вот домовины некому было сколотить да и не из чего, дощечки ладной не сыскать. Так в рогожке и закопали... Вспомнил еще, заспорили – сымать с них обувку или нет? Решили снять – шибко мы поизносились. Чего добру пропадать...

Крюк понимающе кивнул – живым жить, а мёртвым всё равно. Никакое это не мародёрство. Да и в куцах райских негоже следить грубыми солдатскими подошвами. Босыми пришли, босыми и вознеслись...

– В шестидесятых, когда День Победы стали отмечать всенародно, останки порешили убрать с придорожья и перенести в центр села, – продолжал старик Чудинов. – В братскую могилу, которую наполнили павшим воинством со всего района – бои-то здесь гремели страшные, и таких могилок, как наша, но уже безымянных, было множество, а от иных и следа не осталось – запахали, порастоптали, ох, грехи наши тяжкие...

Памятник поставили. Сперва типовой, по утвержденному проекту. Но наши мужики, какие с войны вернулись, и вдовы тех, что на чужой сторонушке полегли, миром сбросились и добавили скульптуру солдата. Митинг был, речей море пролилось торжественных, а слёз – целый океан. В пионеры возле него детишек принимали, комсомольские билеты вручались. Клялись чтить и помнить – в том числе предки тех, кто над памятником этим не по-божески надругался...

---

¹ Цидулка – бумажка.